

ходит к выводу, что каждый в ответе за все то зло, что царит на земле, за все страдания — за погорелую, нищую, иззябшую голодную русскую деревню, которая привиделась ему, измученному допросом, в вешем сне, за плачущих голодных детей, тщетно тянущихся к иссохшей материнской груди... «О, если б и я мог хоть когда-нибудь принести себя в жертву за правду!» — восклицает в связи с этим четырнадцатилетний Коля Красоткин, один из тех школьников, с которыми коротко сошелся Алеша и в «прелестной натуре» которого (слова Алеши) — отроческом энтузиазме, дерзкой отваге, мечтах «умереть за все человечество» — непосредственно ощутим будущий народоволец. В главах, посвященных сближению Алеши с «мальчиками», вырастающей «молодой Россией», возникает — к концу «Братьев Карамазовых» — еще одна, пока, подобно роману Алеши с Лизой, боковая сюжетная тема. Но уже в эпилоге романа эта тема знаменательно выводится, заслоняя собой все остальное, на первый план, открывая тем самым еще один, и едва ли не самый яркий, просвет в будущее содержание «главного романа», но уже не в личную драму Алеши, а в ту его «деятельность» на рубеже 70-х и 80-х годов, о которой было глупо упомянуто в авторском предисловии.

Третью и последнюю главу эпилога («Похороны Илюшечки. Речь у камня») сам Достоевский называл «совершенно отдельной сценой», и действительно, она выглядит по отношению к основному сюжету «Братьев Карамазовых» каким-то даже не очень понятным привеском. Однако на самом деле ей предназначена очень важная композиционная роль — подобно главе «Бесенок» явиться еще одним и существеннейшим соединительным звеном между первым и вторым романами. А что касается «надгробной речи Алексея Карамазова мальчишкам», в ней, как прямо подчеркивает Достоевский, «отчасти отразится смысл всего романа»²⁶.

Действительно, эта проникновенно-лирическая и вместе с тем насыщенная высоким гражданским чувством речь (неслучайно она говорится не за церковной оградой, а вне ее, у того «камушка», который особенно любил Илюшечка), обращенная к детям, но по своему тону очень серьезная, «взрослая» — речь, замыкающая эпизод первого романа, является своего рода прологом ко второму. Ее произносит уже не тихий и молчаливый юный монастырский послушник, каким он был до своего кризиса, а «твердый на всю жизнь боец», каким он стал после него. И посвящена она хотя и совсем еще маленькому, но тоже уже бойцу — «доброму и храброму мальчику», который «чувствовал честь и обиду отцовскую, за которую и восстал... восстал на весь класс».

Здесь попутно стоит отметить одну характерную деталь. От трупа старца Зосимы, лицо которого по установленному монашескому чину было закрыто в гробу черной материей, до срока стал исходить «тлетворный дух» — эпизод, оказавший на Алешу такое потрясающее действие. Совсем по-иному предстал ему вид в гробу покойного мальчика: «Алеша вошел в комнату. В голубом, убранном белым рюшем, гробу лежал, сложив ручки и закрыв глазки Илюша. Черты исхудалого лица его совсем почти не изменились и странно, от трупа почти не было запаха». Казалось бы, это совсем незначительная деталь, но она бесспорно не случайна. Не случайна и разница в жанровых и не только жанровых определениях, данных писателем: «Ж и т и е старца Зосимы» (вспомним также более ранний замысел Достоевского: «Ж и т и е великого грешника»), но «Ж и з н е о п и с а н и е Алексея Федоровича Карамазова». Обе эти детали, несомненно, несут весьма значительную художественную выразительность, бросая еще один дополнительный свет на второй роман дилогии.

В заключение своей речи Алеша призывает мальчиков хранить память об Илюшечке «во всю свою жизнь», и память об этом будет залогом того,

²⁶ Письмо Любимову 29 апреля 1880 г. Достоевский Ф. М. Письма, т. IV, стр. 139.